

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930+17.035.3(=430)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-50-54

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О НЕМЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Аннотация. Читателю предлагается перевод одной из работ известного немецкого мыслителя Освальда Шпенглера – «*Vom deutschen Volkscharakter*» («О немецком национальном характере») с введением к переведенному тексту. Шпенглер попытался выявить специфические черты своего народа. Фоновым компонентом анализа выступает не только немецкая история, но и особенности других народов. К важнейшим чертам немецкого менталитета он причисляет дисциплинированность («безграничная потребность служить»), а также отсутствие приверженности политическому расчету и «политическому театру». Вместе с тем он подчеркивает доверчивость немцев к такой стороне политического лидерства как фюрерство. Работа Шпенглера может представлять интерес как для историков, так и для политологов, обращающихся к методологии аксиологического анализа явлений политического порядка.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, немецкий национальный характер, политика, лидер, власть, народ, традиция.

ABOUT THE GERMAN NATIONAL CHARACTER, BY OSWALD SPENGLER

Abstract. The reader is offered a translation of an essay by the famous German scholar Oswald Spengler “*Vom deutschen Volkscharakter*” (“On the German national character”) with an introduction to the translated text. In this work, Spengler made an attempt to elucidate some cultural features specific to his nation. The analysis was carried out in a broad context of German history and cultural characteristics of other nations. According to Spengler, the German mentality is characterized by such features as increased discipline (“unlimited need to serve”) and a lack of commitment to political calculation and “political theatre”. At the same time, he emphasizes Germans’ gullibility with regard to such a form of political leadership as “f hrership”. Spengler’s work may be of interest both to historians and political scientists applying the methodology of axiological analysis for investigating various political phenomena.

Keywords: Oswald Spengler, German national character, politics, leader, power, people, tradition.

К переводу «Vom deutschen Volkscharakter»...

Освальд Шпенглер знаком нашему читателю в первую очередь по книге «Закат Европы». Переводы на русский язык его других важнейших работ («Политические произведения», «Годы решений», «Пруссачество и социализм» и др.) также неоднократно предпринимались. В этой же публикации вниманию читателей предлагается уникальный перевод его малоизвестной широкой публике статьи «Vom deutschen Volkscharakter» («О немецком национальном характере»)¹, входящей в отдельный сборник «Reden und Aufsätze» («Речи и очерки»). Значение трудов Шпенглера для российской науки сложно переоценить, ведь его сочинения в свое время вызвали резонанс не только в среде российских историков, но и были переосмыслены представителями отечественной академической политологии, – в том числе и автором оригинальных геополитических моделей В. Л. Цымбурским. Так, Вадим Леонидович в своих исследованиях делает примечательные отсылки к категориальному аппарату Шпенглера, органично встраивая их в собственный концепт («псевдоморфозы», «высокая культура» и др.). Кстати, в данной статье Шпенглер употребляет родственный термин «воспитание высокого стиля».

Такой неподдельный интерес исследовательского сообщества к шпенглеровскому творчеству становится понятен даже при прочтении данной статьи. В ней немецкий ученый предпринял интересную попытку выявить специфические черты народа, к которому сам

и принадлежал. Следует подчеркнуть, что фоновым компонентом шпенглеровского анализа выступает не только немецкая история, но и особенности национального характера, менталитета других народов, что современные политологи определяют как компаративистику политических культур. В очерке проводится мысль, что народы являются не порождением героических эпох, но – времен испытаний.

Шпенглер уловил самую суть неоднородности политического ландшафта тогдашней Германии: «Какие там системы мышления, какие мировоззрения, какие ещё политические идеи! Каждый из нас пишет на своём немецком, каждый носит разное, каждый считает по-разному, каждый хочет чего-то своего». Эта черта сохраняет свою актуальность и в современной ФРГ, где федеральные земли, ранее входившие в коммунистическую ГДР, характеризуются спецификой политической идентичности и особенностями электорального поведения (достаточно вспомнить, что в Восточной и Западной Германии у немцев пользуются популярностью совершенно разные партии).

Помимо этого, примечательно выделение Шпенглером в этой работе особой «души» немецкого народа. Здесь намечаются явные параллели с идеями французского социолога и культуролога Густава Лебона, выраженными, но недостаточно концептуализированными им в книгах «Психология народов» и «Психология масс». Особенно интересны шпенглеровские размышления на тему конкретных национальных черт немцев, к которым он причисляет дисциплинированность («безграничная потребность

¹ Статья написана Шпенглером в 1927 г.

служить»), а также отсутствие приверженности политическому расчету и «политическому театру». При этом Шпенглер подчеркивает доверчивость немцев к такой стороне публичной политики и лидерства, как фюрерство. В этом отношении идеи немецкого автора особенно сохраняют свою актуальность и во многом перекликаются с исследованиями Карла Густава Юнга и Эриха Фромма...

О немецком национальном характере Освальд Шпенглер¹

Характер народа есть результат воплощения его Судьбы. Ни земля, ни климат, ни небо или море, даже ни раса или кровь порождает его. Всё это не более чем материал, из которого куётся Историческая Правда. Едва ли он способен сформироваться в процессе «образования»: через практики речи, письма и чтения. Всё это даже не мажорданный костюм для него.

Из истории мы знаем, что страдания в большей степени, нежели успехи, формируют характер. «Римлянин» не является порождением побед великих времён, после Битвы за Сентинум, как, скорее, вы могли бы предположить, но он порождён тяжёлым положением предшествующих столетий, когда люди находились на грани уничтожения. Белые народы современности, даже самые старые из них, на самом деле, не старше тысячелетия. Они произошли от Карла Великого, когда германские племена собственными усилиями породили новые народы на обломках прошлого.

¹ Перевод выполнен по изданию: Reden und Aufsätze von Oswald Spengler (Hrsg. von Hildegard Kornhardt). München, C. H. Beck (Verlag), 1937, S. 130–134.

То, что случилось с ними с тех пор, должно быть прочитано сегодня в их характере, со всеми их сильными и слабыми, великими или смешными, глубокими или плоскими чертами, чувствуют ли они себя «как дома» или же они чужды этому миру, находятся ли они в погоне за счастьем или страдают из-за него. Но даже глубокая жизнерадостность, которую можно наблюдать во многих частях нашей страны, и даже смех, что можно услышать на народных праздниках и в тавернах, по-прежнему говорят о потоках крови и слёз, бесчисленных битвах, душевраздирающих разочарованиях, целых поколениях, принесённых в жертву – напрасно и безрезультатно. «Мировая история», что наделила эти народы характерами Героев, Страдальцев или Глупцов, – есть одна великая трагедия, и она останется таковой, пока длится. Большинство из нас слишком «образованы», чтобы в это поверить.

Есть народы, чей характер столь же прост, как ствол ружья; и другие, которые даже сами не понимают себя, не говоря уже о том [S. 131], чтобы кто-то ещё мог их понять. Англичанин, например, никого не озадачивает. Английская история идёт своим чередом, очень кровавая, но без изломов, без колебаний, без сюрпризов. У англичанина проблем нет. Они все видны на карте. Тем удивительнее немцы. Они всегда проводили время, думая друг о друге: много о самих себе, но и много о других. Вы нашли что-то? Ранее утверждалось, что у немецкого народа вообще нет характера. Что ж, это может быть правдой. У него нет одного характера – их много, быть может столько же, сколько немцев, а может, и больше. Все остальные характеры от-

ражены в нас. Среди нас есть древние, индийские, английские, испанские, норвежские натуры – и все они тоскуют по настоящему дому, что видится на некотором расстоянии. Почему так происходит, показывает взгляд на историю.

У всех других народов одинаковый взгляд на историю – как на путь от начала к концу. Наша история – это нечто особенное в этом смысле, постоянно повторяющаяся попытка обрести начало. Судьба Англии начинается ясно и решительно – с норманнами, Франции – с франками, Испании – с вестготами; судьба Германия же начинается неопределенно, с союза Саксонии, Швабии, Баварии, Франконии, Тюрингии под эгидой мистической короны. И карта на 1400 или 1700 г. – вот оно, немецкое «лицо».

Слишком много характера? Да, и это тоже. Мы «характерные» до безумия, собрание больших оригиналов. Какие там системы мышления, какие мировоззрения, какие ещё политические идеи! Каждый из нас пишет на своём немецком, каждый носит разное, каждый считает по-разному, каждый хочет чего-то своего.

Но такова наша сущность или такова лишь роль, которую мы играем в ожидании открытия истины для себя? У немецкого народа есть душа, полная удивительных и поразительных возможностей превзойти себя или потерпеть неудачу. Никто из тех, кто считал, что хорошо знает её, никогда не считал правильно. Отсюда проистекает недоверие к нам извне и ещё большее – друг к другу. Нам неудобно жить в мире, где один жаждет уверенности, что знает другого. Дремучие черты тёмного прошлого, что другие народы изживали

и переваривали на протяжении всей своей истории [S. 132], все ещё живы в нас в силу отсутствия этой самой истории. В нас по-прежнему живы фрагменты древнескандинавских инстинктов из исландских саг: асоциальная жизнь, ограниченность, одиночество, упрямство, неповиновение; больше упрямства, чем дальновидности.

Могли бы мы, как народ, при удачном стечении обстоятельств в политических вопросах, действительно избавиться от благородного сословия восемнадцатого века? «Принять форму» – как задача, как высший долг, как стимул – противоречит нашему существу. Мы бесформенные с акцентом на это. Мы «отпускаем» себя в полёт: лирически, духовно, социально, перед нами и перед другими. Меньше всего это свойственно нашей музыке; но мы много упражнялись в этом в стихотворных формах всех времён и народов, и безграничная фантазия – вот наше настоящее царство. Ни одна нация больше не нуждалась бы в «воспитании высокого стиля» от благородного сословия. Но эта серьёзность, упорство, спокойная, терпеливая приверженность долгу во всём из-за отсутствия уверенности в себе.... Никто не работает за нас, особенно экономические и технические руководители. Будущие поколения будут изумляться масштабам восстановительных работ ещё в течение четырёх лет после такой катастрофы.

И затем, решающая вещь: наша безграничная потребность служить, следовать, поклоняться кому-либо или чему-либо, верно, как собака, верить слепо, несмотря на все возражения. Опять же, это спасительный «поезд» из самых ранних времен, который может

казаться громоздким или отчаянно комичным с точки зрения сегодняшнего дня, но он правит в истории наших князей, церковей и партий. Ни одна «вещь», ни лидер, ни карикатура на него, ни в одной другой стране не провозируют такого безусловного повиновения народа: здесь сокрыта огромная сила, сокровище – для тех, кто знает, как ей пользоваться. При этом, мы не достаточно опытны с исторической точки зрения, чтобы быть здесь скептиками. Так что каждый фермер с Балкан, каждый носильщик в американском порту быстрее схватывает секреты политики, чем мы. Дети, быть может. Но не раз история была сбита с курса «великими детьми» этого рода.

Но опять же, с другой стороны: инерция крови, разум, нерешительность. «Немец [S. 133] способен на великие дела, но вряд ли он это сделает», – сказал Ницше. Трудно прийти в движение, мало доверяя себе при этом, отказывая себе в собственном пафосе. Нам, безусловно, далеко до способностей Южной Европы к «политическому театру», они даже в случае неудачи знают, как вести себя на «сцене» лучшим образом.

Так или иначе, сегодня не существует другого такого народа, который так нуждался бы в Фюрере, чтобы благодаря ему он поверил в себя, и который сам не значил бы столь много для великого лидера. В умелых руках почти все ошибки становятся преимуществами. Это ли не способ выйти далеко за пределы обычного политического расчета?

Во времена строгих государственных традиций, как дипломатические обычаи, как это было в XVIII веке, такой персонаж обречён на длительный сон. Немцы были забыты как политическая возможность, и Наполеон был очень удивлён, когда неожиданно повстречал их на своём пути. В сегодняшнем мире не осталось практически ничего от тех почтенных форм политического бытия, что разворачивались во времена неоспоримой Власти. Насилие всё так же здесь, как и прежде, возможностей для его совершения – не меньше. История возвращается к своим истокам, высвобождая первобытные инстинкты, ведь на земле и на море её по-прежнему ждёт добыча.

Так что же, мы современные люди?